

ББК 63.0

И.Н. Нехаева

Территория истории: языковые границы и пути их преодоления

I.N. Nekhaeva

Territory of History: Language Borders and Ways of Their Overcoming

Статья содержит поисковую интенцию, ориентированную на возможность обнаружения ситуации выхода за пределы языковых границ на территории исторического поля, взятого в аспекте вариативности события языкового опыта, способного, преодолевая тяготение языковой структуры, удерживать историка на границе опыта языка.

Ключевые слова: язык, исторический опыт, память, формирующий опыт, интеллектуальный опыт, дискурсивность.

Следует признаться, что философы в своем отношении к истории никогда не изображали из себя первооткрывателей, поскольку просто «делали свое дело», а именно, согласно Аристотелю, искали *причины* каждому факту, а затем, находя их, всему ходу истории так, как будто пытались выявить суть работы исторической механики, и плохо это или хорошо, но, тем самым, они еще больше вовлекали историю в общую для всех ситуацию разворачивания *познавательной* гонки¹. В результате этого история не может относиться с благодарностью ни к одному из трех, сыгравших существенную роль в ее «жизни» «доброжелателей» в лице филологов, философов и, как это ни абсурдно звучит, в том числе самих историков, хотя и вынужденных пользоваться услугами своих коллег, но лишь по случаю патологического пребывания в состоянии «неведения, что творят». Отсюда фраза в исполнении Кроче: «...оградить историю от допущения недопустимого и от самоотрицания может лишь *мысль, воссоздающая историю изнутри*, сама свидетельствующая о себе и отрицающая немислимое именно потому, что оно не поддается осмыслению (курсив мой. – *И.Н.*)» [1, с. 180], по сути, должна являться точкой опоры, в которую историку следует себя помещать *прежде*, нежели вихрь «доброжелателей» занесет его в «неведомые ему страны», и не потому, что это вообще *не* интересно человеку, занимающемуся историей,

¹ По мнению Кроче, «...поскольку вся наука строилась по образцу конденсационной камеры, то и делом истории считалось стремление к "синтезу", то есть к объединению основных законов и главных событий исторической жизни в своего рода таблицы или атласы, которые мгновенно демонстрируют связь причины и явления» [1, с. 177].

Article contains search intention focused on an opportunity to detect a situation in order to go outside the limits of language borders in territory of the historical field. This field is taken in the aspect of variability of event of language experience capable by overcoming gravitation of language structure to keep the historian on a border of experience of language.

Key words: language, historical experience, memory, forming experience, intellectual experience, discursivity.

но в данный момент, когда он *пишет историю*, его цель должна находиться совершенно в *иной* плоскости – в *настроенности* на историю, что является индивидуальной, так сказать, штучной работой души самого этого конкретного историка², занимающегося *своим* делом, а не человека, страдающего галлюцинациями, которому слышится то «глас филолога», то «глас философа», именно потому, что раскрытие исторического контекста работы мысли в лучшем случае может быть ориентировано на аналогию с искусством, предметом внимания которого является только душа самого художника. В итоге представление о том, что *смена исторических периодов* хранит в себе некое *условие* такой «смены», является иллюзией уже в силу того, что один период сменяется другим совсем не по причине имеющегося аспекта «объективности», свершающегося в моменте появления на жизненной сцене иных декораций, но в связи с тем, что именно *так*, а не как-то иначе *функционирует мысль*, проявляясь в историческом аспекте, т.е. показываясь в виде определенного действия, понимание которого, безотносительно к конкретике содержания, становится возможным лишь в контексте допущения, что историческая мысль обладает всеми характеристиками *дискурсивного* мышления постольку, поскольку своей *исторический окрас мысль приобретает одновременно с дискурсивностью*, поэтому считывание тех *противоречий*, в которых, казалось бы, находятся следующие друг за дру-

² Согласно Шеллингу, «вся прошедшая история относится только к сфере явлений, так же как и сама индивидуальность сознания, она для каждого человека не более, но и не менее реальна, чем его собственная индивидуальность» [3, с. 454].

гом периоды, на самом деле ничего не меняет, так как подобное можно проследить, в том числе, с учетом моментов, которые, напротив, способствуют их *объединению* [1, с. 180–182] – такова судьба всего того, что оказывается во власти языка.

В связи с этим необходимо отметить, что преувеличенное внимание к языку, всегда проявлявшееся в *исторической теории*, как, впрочем, и в других областях, не вызывает удивления, поскольку сама история, не говоря уже об исторической теории, «творится» в рамках эпистемологического дискурса¹, другое дело, что историк вполне способен, используя метафору Ницше, совершить побег из «тюрьмы языка», дабы извлечь из-под языкового давления материю «прошлого», тем самым вступая с этим «прошлым» в непосредственные, так сказать, «опытные» отношения, установление которых прежде всего подразумевает снятие «пелены» историографических традиций и лингвистических структур и одновременное акцентирование *опыта историка как лично ему принадлежащего опыта прошлого*. Следует согласиться, что на самом деле понятия «история» и «прошлое» говорят лишь о том, каким *способом* некий коллективный организм связан со своим прошлым, к примеру, в отличие от *памяти*, являющейся собственностью одного человека и заполняющейся эксклюзивной индивидуальной информацией, даже в том случае, когда разговор идет о «коллективной памяти», скорее имеется в виду метафорическое выражение, которое может быть любым и которое в конечном счете можно оспорить, тогда как память в аспекте ее индивидуальной проводимости вбирает в себя весь объем опыта, которого, без сомнения, лишены такие «нищие» в своем исполнении категории, как «история» и «прошлое»², поскольку именно память позволяет воскресить и как бы испытать прошлое заново, тем самым *воспроизводя опыт переживания прошлого*. Отсюда, если формировать отноше-

¹ Своеобразный выпад против языка и его эпистемологических «замашек» чувствуется в следующем высказывании Анкерсмита: «...я убежден, что был на правильном пути, когда оборвал все эпистемологические связи между историческим текстом и прошлой реальностью, которые всегда искали историки-теоретики как нечто, что никогда не существовало, и никогда не будет существовать» [4, с. 112].

² Данный момент непосредственно связан с процедурой *категоризации*, в действительности не менее сложной, нежели работа с памятью, при этом кажущаяся простота категоризации, должно быть, обусловлена конкретикой объектов, в отношении которых она производится для передачи некой идеи, дабы такая «идея» была передана, что требует производства дополнительного действия – «категоризации» с целью возможности интерпретирования данных предметов или событий в виде отдельного проявления соответствующей им категории, «которая в благоприятном случае предоставит в его (*человека*. – *И.Н.*) распоряжение слово, более или менее удовлетворительно передающее то, что он имеет в виду» [5, с. 18], при этом «конкретная сущность может обладать большей или меньшей кодируемостью, то есть ее содержание может в большей или меньшей степени подходить к содержанию некоторой категории. Такая ситуация, по-видимому, требует, чтобы мысленное представление соответствовало прототипу либо непрерывным, либо ступенчатым образом» [5, с. 27].

ние к прошлому не в терминах «истории», а в терминах «памяти», то появляется совершенно новое впечатление от способности «испытывать прошлое», на которое, в частности, Анкерсмит хотя и обращает пристальное внимание, совмещая его с ситуацией «побега из языковой тюрьмы», тем не менее продолжает решать эту проблему путем поиска «значения»³, что, конечно же, позволительно в границах мнения, а стало быть *языка*, но вряд ли представляется адекватным в плане поиска решения вопроса, связанного с *опытом*, но не с *историческим* опытом, поскольку последний как таковой хотя и принадлежит сфере «опыта», но взятого лишь в контексте опыта «языка»⁴.

С другой стороны, намечается еще две попытки преодоления языковых рамок: одна – со стороны *философии сознания*, которая создает пространство, охватывающее связку из трех понятий – *опыта, сознания и языка*, характеризуя каждое из них, исходя из действия, ими производимого. Так, в частности, опыт направлен на знакомство с миром, сознание предлагает репрезентации мира, а язык служит выражением этих репрезентаций [2, с. 25], в связи с чем, как видится, такое соединение в некоторой степени является имитацией движения навстречу опыту, хотя известно, что опыт вполне обходится и без языка, тогда как язык, напротив, не может существовать вне сознания, поскольку «... язык – это система социализованных значений, допускающая перестановку своих элементов, которая не имеет своего аналога в опыте...» [2, с. 26], а сознание, в свою очередь, не обходится без опыта; вторая попытка, исходящая из специфики современной философии, представляет собой выдвигание пространства *эстетики*, тематический материал которой чаще всего задействован по многим, интересующим современную философию вопросам, коль скоро искусство не вмещается в языковой формат уже по причине того, что если язык – это *система*, то искусство – это прежде всего творческое *действие*, то, возможно, данная позиция, указывающая на преимущественную открытость в произведениях искусства опытному свершению, позволит отказать от языкового значения как единицы языкового измерения и продвинуться к такому испытанию воздействия, которое могло бы «измеряться» в единицах опыта.

Из сказанного следует, что на первый план выступает задача реанимирования понятия «опыт», главным образом, в связи с тем, что, скажем, данное исследование, безусловно, является примером так называемого интеллектуального опыта, хотя до сих пор слово «опыт» вызывает

³ По данному поводу Анкерсмит прямо задает вопрос: «...какое значение следует придавать понятию "опыт прошлого", или идее "исторического опыта"?» (курсив мой. – *И.Н.*)» [2, с. 24].

⁴ «Очень часто мы видим, слышим или иным образом воспринимаем происходящее вокруг нас, а позднее вспоминаем все это, и та или иная причина побуждает нас использовать язык для передачи другим людям того, что мы помним. Иными словами, мы часто ведем беседу об опыте, извлеченном из памяти. Когда мы это делаем, мы переводим в вербальную форму то, что изначально имело, быть может полностью или частично, невербальный статус» [5, с. 3].

ассоциации, которые связаны исключительно с чувственным опытом, а вместе с ним напоминают о возникновении первичного контакта с миром лишь посредством зрения, слуха, вкуса, обоняния и осязания, при этом, как известно, научная обработка таких чувственных данных берет на себя роль корректировщика чувственного опыта, полностью зависящего от этих «данных» и склонного лишь к тому, чтобы моделировать опыт, подражая действию по восприятию мира посредством «чувственных данных». Однако следует согласиться, что деятельность разума, как и любая другая, есть прежде всего действие, которое, грубо говоря, хотя и не есть нечто *явно* чувственное (хотя с этим очень даже можно поспорить¹), тем не менее представляет собой опыт, пусть *интеллектуальный*, но все же его следует относить именно к *опыту* «разума»², поскольку опыт есть нечто цельное, не подвергающееся дифференциации согласно определениям или выявлению признаков, а это означает, что интеллектуальный опыт также относится ко всему, полному объему опыта. Иными словами, необходимо признаться, что лишь привычка приводит нас к истолкованию именно чувственности в качестве некой *причины* возникновения опыта, вернее, его проявления, и это неудивительно, так как любое действие человека, как правило, сопровождается чувствительностью к тому, на что это действие направлено,

¹ Подобный спор может основываться на известном допущении со стороны Шеллинга *чувствующей* стороны сознания, способного вбирать в себя различного рода «толчки» и впечатления, при этом «посредством толчка в представляющее существо перейдет не сам предмет, а лишь произведенное им *действие* (курсив мой. – И.Н.)» [3, с. 309], и вот это самое «действие», или движение, ограничивая Я, делает его ощущающим, другими словами, Я *ощущает* себя исключительно в акте созерцания своего собственного *ограничения*, которое Я обнаруживает в моменте «чувствования» некоего внутреннего противоречия, положенного деятельностью в отношении самого Я: «Я ощущает, когда оно обнаруживает в себе нечто ему противоположное» [3, с. 295].

² И в этом смысле следует обратиться к воззрениям Шеллинга, относящим данный опыт «разума» к особому способу деятельности мышления, в котором зарождается и становится понятийная действительность: «Всякое мышление есть акт, а всякое определенное мышление есть определенный акт; посредством же такового у нас возникает определенное понятие. Понятие есть не что иное, как самый акт мышления, и, будучи абстрагировано от этого акта, оно – ничто. Посредством акта самосознания у нас также должно возникнуть понятие, и таковым будет понятие Я. Когда я посредством самосознания становлюсь для себя объектом, у меня возникает понятие Я, и, наоборот, понятие Я есть только понятие самообъективации» [3, с. 255].

но деятельность разума настолько многообразна своими хитросплетениями, что с самого начала захватила весь объем интереса, удастая опыт лишь вскользь брошенным «косым взглядом» и обращаясь к нему только в случае очередного оппозиционного выпада со своей стороны. Следовательно, в силу сказанного вполне понятно, почему не только возможно, но и необходимо различать между собой науку и историю, а связано это именно со стремлением распознать «интеллектуальный опыт», однако в этом случае кто-то может указать на вышеотмеченное имманентное единство опыта и выступить против разделения опыта на «интеллектуальный» и «чувственный», но на это следует заметить, что в таком случае организовать побег из «тюрьмы языка» не удастся, поскольку для удачного свершения последнего необходима своего рода настроенность на пространство опыта, т.е. на само по себе действие, лишенное фиксированности на субъекте опыта в его *трансцендентальном* определении, как это и происходит в науке, при этом субъект обретает некое устойчивое состояние собственной *сопоставимости* с любым содержанием актуального опыта, поскольку трансцендентальное Я устремлено к обрабатыванию данных опыта посредством их систематизации, что способствует переводу опыта из *автономного*, т.е. действительности опыта, в *структурированный*, представляющий собой приложение или обработку деятельностью разума самого опытного действия.

В отношении к истории дело обстоит иначе, поэтому для точности понимания целесообразнее обратиться к понятию «*Bildung*»³, которое восходит к Аристотелю и раскрывается через представление о «*формирующем опыте*», имеющем непосредственную связь с *ментальной* структурой так, что опыт, как кажется, сам начинает определять своего субъекта вне какого-либо дополнительного обращения к «теории», т.е. к языку, но в этом смысле совершенно очевидно, что наука просто не могла бы состояться, поскольку если в науке опыт является атрибутом мира, то в истории он приобретает *смешанную* характеристику, одновременно являясь и атрибутом мира, и атрибутом субъекта [2, с. 29], и, тем не менее, любая функция формирования указывает именно на *способ* организации, а значит, на схематизацию опыта, что снова возвращает нас на отправную, языковую точку познавательного круга.

³ Образование, формирование (нем.).

Библиографический список

1. Кроче Б. Теория и история историографии. – М., 1998.
2. Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. – М., 2007.
3. Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма // Шеллинг Ф. Сочинения : в 2 т. – М., 1987. – Т. 1.
4. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. – М., 2010.
5. Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики. – М., 2001.